

ЗОЛОТОЙ ФОНД РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

МЕМОУАРЫ

П. П. Семенова-Тян-Шанского

Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский

МЕМОУАРЫ

П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Том I

Детство и юность
1827–1855

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2019

Издание подготовлено
в рамках совместного издательского проекта
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»
и издательства «Кучково поле»

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович

С30 **Мемуары: в 5 тт.** Т. 1. Детство и юность. 1827–1855 / П. П. Семенов-Тянь-Шанский; вступ. ст. и комментарии А. А. Богданова и М. А. Семенова-Тянь-Шанского. — М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — 560 с.: 32 л. ил. — (Золотой фонд Русского географического общества)

ISBN 978-5-9950-0888-0 (т. 1)

Первый том мемуаров П. П. Семенова-Тянь-Шанского охватывает период его детства и юности, воспитания в семье, учебы, первого брака и вдовства. Особое внимание автор уделяет помещичьему быту первой половины XIX века, отношениям помещиков и крепостных, предшествовавшим освобождению крестьян общественным движениям и др. Книга воспоминаний содержит как характеристику той среды, в которой протекли годы юности и молодости автора, так и его оценку многих явлений и событий русской истории и современной ему эпохи. Текст мемуаров сопровождается вступительными статьями, комментариями, а также содержит ряд приложений, в том числе и большое количество писем П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей России XIX в.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9950-0888-0 (т. 1)
ISBN 978-5-9950-0890-3 (общий)

© Русское географическое общество, 2019
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

Дорогие друзья!

Перед вами уникальное издание — это первое полное издание мемуаров выдающегося русского ученого-географа, путешественника, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского.

Его воспоминания начали публиковать в 1915 году, но из-за революции в свет вышли только три тома, а последний в сильно усеченном виде был издан лишь после окончания Великой Отечественной войны в 1946 году. За сто лет со дня написания мемуары не утратили своей ценности, и поэтому Русское географическое общество решило издать их в полном объеме — в пяти томах, где пятый (дополнительный) том представляет собой сборник статей сподвижников ученого, освещающих различные стороны его многогранной личности.

За десятилетия своей научной, общественной и государственной деятельности Петр Петрович оставил богатое наследие.

До экспедиции Петра Семенова на Тянь-Шань не было смельчаков, готовых исследовать эти труднодоступные места. Ученые довольствовались легендами и случайными рассказами о народах и природе Небесного хребта. Русский ученый сделал подробное описание этой части Средней Азии, «подарил» научному миру пик Хан-Тенгри.

По его инициативе в Российской империи состоялась первая всеобщая перепись населения. Более двух десятилетий он участвовал в составлении Географическо-статистического словаря Российской империи, и сейчас это фундаментальный труд для всех современных исследователей.

Не каждый знает, что именно Семенову-Тян-Шанскому принадлежит одна из главных ролей в подготовке Великой реформы 1861 года, упразднившей в России крепостное право.

В течение 40 лет Петр Петрович был вице-председателем Императорского Русского географического общества, способствовал организации экспедиций плеяды наших выдающихся ученых: Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, Н. Н. Миклухо-Маклая, В. А. Обручева и многих других.

В ходе собственных экспедиций он собрал крупнейшую на тот момент коллекцию насекомых, которая до сих пор хранится в Зоологическом музее Российской академии наук.

Читая воспоминания Петра Петровича, поражаешься детальному описанию всего того, что он встречал на своем жизненном пути: исторические деятели и простые обыватели, быт и традиции народов, растения и животные, археологические памятники и местный фольклор. Его рассказы написаны просто и интересно.

В нашем пятитомнике мемуары Петра Петровича впервые опубликованы полностью, без купюр цензоров. Помимо собственно воспоминаний в собрание сочинений включены его письма к близким, статьи из сборника, подготовленного к 100-летию ученого, некоторые материалы из Научного архива и Библиотеки Русского географического общества.

Уверен, книга заинтересует всех читателей с острым и пытливым умом.

*Президент
Русского географического общества*

С. К. Шойгу

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ МЕМУАРОВ П. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

В 2019 г. Русское географическое общество и издательство «Кучково поле» подготовили первое за 100 лет полное и комментированное переиздание мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Историческая память связывает с именем П. П. Семенова-Тян-Шанского прежде всего его знаменитое путешествие. В течение двух полевых сезонов 1856–1857 гг. ему удалось проникнуть вглубь горной системы Тянь-Шаня, исследовать озеро Иссык-Куль и истоки Сырдарьи, увидеть горную группу Тенгри-таг и вершину Хан-Тенгри. Эти открытия заслуженно принесли ему спустя 50 лет почетную приставку «Тян-Шанский», присоединенную сенатским указом к его родовой фамилии, как это делалось в XVIII в. со знаменитыми полководцами.

Судьба Петра Петровича сложилась так, что экспедиция 1856–1857 гг. осталась его единственным большим полевым исследованием. По возвращении из своего путешествия он почти сразу был привлечен к участию в работе Редакционных комиссий по составлению положения об освобождении крестьян. Петр Петрович был одним из самых младших по возрасту членов Редакционных комиссий, но в силу своего энтузиазма, помноженного на глубокое знание крестьянского быта, вынесенное еще из годов отрочества и ранней юности, проведенных в деревне, и в силу своего влияния на главных сотрудников Редакционных комиссий, в первую очередь на ее председателя Я. И. Ростовцева, он смог сыграть в работе комиссии очень важную роль. Прежде всего это относится к ключевому вопросу реформы — освобождению крестьян с землей. В критический момент, после смерти Ростовцева, когда опасность потерять все достигнутое казалась неизбежной, дипломатическое искусство Петра Петро-

ва-Тян-Шанского. Хроника эта имеет интерес не только семейный, но, несомненно, также общественный и исторический, ибо заключает в себе как характеристику той среды, в которой протекли годы юности и молодости автора, так и субъективную его оценку многих явлений и событий русской истории и современной описываемой эпохе жизни, не говоря уже об отражении личности самого автора. Издатели решили снабдить настоящую книгу многочисленными примечаниями на основании имеющихся у них под руками обширных исторических материалов, полагая, что многие описываемые в ней лишь по памяти факты получат, таким образом, еще большую отчетливость.

Второй том мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского заключает описание его путешествия с научной целью в дикий, недоступный в то время для европейцев Тянь-Шань, — то есть того географического подвига, который доставил лицу, его совершившему, почетное место в среде русских географов. Эта часть мемуаров изложена автором на основании не опубликованных доселе его подлинных дневников. Живой, непосредственный рассказ, как всякое описание первого путешествия в неведомую дотоле землю, дает, с одной стороны, поучительную ее картину, а с другой — является неразрывным — в цепи мемуаров — звеном, выясняющим весь последующий облик научной деятельности покойного автора.

Третий и четвертый тома мемуаров (вышедшие первым изданием на правах рукописи еще при жизни П. П. Семенова-Тян-Шанского) посвящены тому величайшему русскому общественному подвигу XIX века — освобождению крестьян от крепостной зависимости, в котором автору, по его собственному признанию, выпало редкое счастье принять непосредственное и весьма деятельное участие. Несколько лет, посвященных напряженной работе в этой области, он считал самыми светлыми моментами своей жизни и ярким воспоминаниям о них отвел большую часть своих мемуаров.

Многообразные пути, которыми направилась деятельность П. П. Семенова-Тян-Шанского после 19 февраля 1861 г., были уже отчасти охарактеризованы в многочисленных некрологах, появившихся в печати по случаю его кончины. Систематическое сведение их в одно целое есть дело будущего. В настоящий же момент семья покойного предлагает вниманию читателей все то принадлежащее его перу литературное наследие, которое он завещал напечатать после своей смерти.

Петроград, май 1916 г.

ГЛАВА I

Дедовская усадьба (место моего рождения). — Мои предки с отцовской стороны. — Хроника семейства моего отца со стороны моего деда и бабушки; семья моего деда. — Тридцатилетнее управление им его поместьями (1790–1821 гг.). — Тогдашние отношения между помещиками и их крепостными. — Обычное право.

Родился я в ночь с 1 на 2 января 1827 г. в старой усадьбе моего деда при селе Урусове Раненбургского уезда Рязанской губернии, так как отец мой, вступивший с 1821 г. в управление своим родовым имением, не успел еще осуществить задуманной им постройки новой усадьбы в другом месте нашего обширного сада.

Память моя лишь очень смутно воспроизводит и внешний вид, и внутреннее расположение, и убранство нашей старой усадьбы. Помню я, однако же, что старый наш дом был, как и большая часть домов достаточных помещиков того времени, деревянный, одноэтажный, с тесовою крышею, невысокий, но довольно обширный и расплывшийся в разные стороны вследствие неоднократных пристроек, обусловленных постепенным увеличением семейства, численность которого ко времени упразднения старой усадьбы доходила до 12 душ. Были в нашем доме и наружные террасы, а кругом него летом — красивые цветники. Комнаты были просторные, но не особенно высокие. О последнем могу судить случайно по одному очень дорогому для меня эпизодическому воспоминанию, относящемуся к 1829 г. и с необычайной живостью и свежестью воспроизводимому моею памятью через 79 лет.

Отец мой, относившийся с необыкновенно пылкой любовью к своим детям, играя со мною (младшим из них) в своей спальне (мне не было еще тогда и трех лет), взбирался на свою широкую кровать, на которую спускался шатром кисейный полог с кольца, привинченного к потолку. В этот день полог был снят и, вероятно, отдан в стирку; отец, стоя посередине кровати, поднял меня высоко на руках и поднес к кольцу, так что я мог достать его

ручонкой, что очень меня забавляло. Все это удовольствие сопровождалось громким смехом как моим, так и моего отца, радовавшегося моей радости. Вот первое наглядное воспоминание моей жизни, которое мне тем более дорого, что живо восстанавливает передо мною и теперь симпатичную фигуру моего отца, которого я как бы вижу пред собою через 76 лет после его кончины.

Старый наш дом был расположен посреди сада, вблизи довольно крутого склона глубокого оврага, его пересекавшего. Дно этого оврага против дома поросло тогда высокими вековыми осинами, остатками старого леса, сведенного дедом для устройства своей усадебной оседлости. На левой стороне этого оврага, где и была расположена дедовская усадьба, расстился наш старый сад XVIII в., а новый, XIX-го, окружавший строившуюся новую усадьбу и планированный сначала моим отцом, а впоследствии моей матерью, находился на правой стороне оврага и во время хозяйства моего деда (1790–1821 гг.) представлял еще распахку нови от расчистки сведенного леса.

Устройство помещичьих садов, возникавших в середине XVIII в., было очень несложно. Разводились они на сведенных полях или лесных выкорчеванных рощистях и состояли из более или менее обширных пространств, засаженных фруктовыми деревьями и огражденных канавами, на валах которых были насажены живые изгороди из ветел. Посреди такого фруктового сада были непременно одна или две тенистые аллеи из быстро растущей сибирской караганы (так называемой желтой акации), а вокруг дома — красивые цветники, состоявшие исключительно из тех самых цветов, которые изображаются на картинах голландских художников XVII в. и которые, очевидно, были водворены в русские сады в начале XVIII в. Петром Великим*. Непременною принадлежностью сада был и обширный огород, обыкновенно отделявший помещичий сад от крестьянской усадебной оседлости или склонявшийся к реке. Лесных деревьев в помещичьих садах первой половины XVIII в. совсем не сажали: их было так много в соседнем лесу, да и лес этот был от усадьбы так близок.

Только во второй половине XVIII в. и особенно к концу его, в век Екатерины II, проникла и в наши центральные черноземные губернии француз-

* Это были разноцветные колокольчики (*Aquilegia vulgaris*), девица в зелени (*Nigella damascena*), угольки в жару (*Adonis aestivalis*), ритгер-шпоры [живокость или шпорник] (*Delphinium*), пионы, красные маки, левкой и желтофиоли, гвоздики, ноготки, *belle de jour* [вьюнок] (*Convolvulus tristis*), бархатцы, пестрые и желтые лилии, тюльпаны, астры, а из кустарников — шиповники ярко-красные и желтые, розы, садовые жасмины (*Philadelphus coronarius*), сирени, *Chèvrefeuille* (*Lonicera*) и так далее. — *Здесь и далее примечания П. П. Семенова-Тян-Шанского, если не указано иное.*

ская планировка садов. Кругом, а также вдоль и поперек их стали сажать аллеи лесных деревьев, по преимуществу лип и берез. Дубов чурались, потому что они росли медленно, и сажавшие их помещики были уверены, что не дождутся их тени. Только после Отечественной войны 1812–1815 гг., одновременно с ощутительным уже истреблением лесов и усиленной распашкою лесных пространств, реставрация природы, по крайней мере на пространствах, окружающих владельческие усадьбы, явилась потребностью образованных помещиков, и французская планировка екатерининских садов начала уступать место английской, при которой лесные деревья рассаживались куртинами, вперемежку с лужайками, а между ними прокладывались извилистые дорожки. В садах английской планировки, которые уже начали возникать во второй четверти XIX в., стали сажать сначала все лесные деревья нашей местной флоры: березы, осины, липы, клены, паклены, вязы, ясени, ивы, рябины, а наконец, понемногу и дубы, затем уже и деревья, чуждые местной нашей флоре: тополя бальзамические, серебристые и отчасти пирамидальные, а также все хвойные деревья европейско-русской флоры, не растущие дикими в наших лесах.

Родовое имение наше при селе Урусове принадлежало не роду моего деда, а роду моей бабушки, рожденной Буниной. У деда же было два родовых имения: одно — старое гнездо древней дворянской фамилии Семеновых — на р. Проне, принадлежавшее моим предкам еще в XIV в., когда они были рязанскими боярами, другое — только в 10 верстах от моей родины, жалованное московскими царями моим предкам за их службу¹.

Отдаленнейшим нашим предком, по семейным преданиям, был знатный ордынский выходец Каркадын, стоявший во второй половине XIV в. во главе охранной стражи великого князя Рязанского Олега, которая состояла вся из крещеных татар, называемых появившимся тогда впервые в русской истории именем «казаков». Каркадын этот, названный во святом крещении Симеоном, получил от великого князя Рязанского обширные вотчины в верховьях реки Прони, на которых между прочим возникли села Каркадыново в нынешнем Елифанском уезде Тульской губернии, Семеновское и Сальково в Пронском — Рязанской². От этого Симеона, по преданию, и произошли княжеский род Каркадыновых, угасший в XVII в., и боярский род Семеновых, после падения Рязанского княжества перешедший на службу царей Московских. Будучи людьми весьма грамотными, Семеновы занимали часто служебные должности в Москве: так, один из более близких предков моего деда был в числе подписавших великий акт избрания на царство Михаила Федоровича Романова, а другой — Василий Семенов — был думным дьяком при правительнице Софье и затем окольным³.

К этому времени и относятся хранившиеся у моего деда жалованные грамоты на его поместья нынешнего Раненбургского уезда, послужившие нам для внесения нашего рода в 6-ю часть родословной книги древнего дворянства российской по Рязанской губернии⁴. Отец и брат окольного Василия Семенова, два Григория, служили в войсках; старший из них вышел в отставку в 1706 г., а сын его, Григорий Григорьевич, служил в гвардии тоже при Петре Великом и был дедом моего деда.

В XVIII в. служба молодых дворян обыкновенно не бывала продолжительною. Само правительство, признававшее дворянство «служилым сословием», придавало одинаковое значение как непосредственно служебной деятельности дворян, так и их деятельности по управлению крепостными людьми жалованных им поместий. Поэтому дворяне-помещики в довольно молодые годы (около 30 лет от роду) уже выходили в отставку и поселялись в своих имениях, где по управлению ими поступали на смену своих престарелых отцов, сначала под их руководством, так как эти последние были близко знакомы и с обычным правом, лежавшим в основе крепостных отношений, и с местными условиями и приемами земледелия.

Так это и было с дедом моего деда Григорием Григорьевичем Семеновым, вышедшим в отставку вскоре после кончины Петра Великого. Он поселился в своем родном дворянском гнезде Салыкове, женился на соседке, княжне Мещерской, и принялся за хозяйство и управление имением. Но счастливая его семейная жизнь продолжалась недолго: жена его умерла, оставив ему двух малолетних сыновей, а года через два или три после своего вдовства он был убит своими крестьянами. Замечательно, что все следы преступления были тщательно скрыты, и крестьяне свято сберегли детей убитого помещика, а когда наступило время, сами свезли их в Петербург, где сироты были приняты в Шляхетский кадетский корпус.

Старший из них (отец моего деда), Петр Григорьевич Семенов, был в 1761 г. произведен в чин поручика ландмилиции и, по окончании непродолжительной военной службы, по примеру предков поселился в своем родовом Салыкове Пронского уезда. Женат он был на дочери зажиточного помещика Задонского уезда Бехтеева, и по выходе в отставку занялся управлением своим имением, но уже без опытного руководства отца. Немного лет продолжалось это хозяйство: жена его умерла, оставив ему троих детей, и вслед за нею кончил жизнь и он сам. Крестьяне снова поступили, как и прежде: приняли на свое попечение детей своего помещика и через несколько месяцев после его кончины отвезли двоих сыновей его в Шляхетский корпус, а дочь — в Задонский уезд, к родным ее матери, Бехтеевым. Таинственная драма, приведшая к сиротству два поколения моих предков, оста-

лась неразъясненной своевременно, и только впоследствии, после того как я с детского возраста в течение целого 25-летия стоял лицом к лицу со всеми явлениями крепостного права, для меня выяснились причины хронически повторявшихся в течение XVIII и XIX вв. убийств помещиков своими крестьянами, прекратившихся только с 1858 г., то есть со дня, когда «по манию царя» решено было бесповоротно великое дело освобождения крестьян.

К объяснению этих причин вообще и к некоторым догадкам, относящимся, в частности, до действий моих предков, я возвращусь в конце главы, а теперь перехожу к продолжению своей семейной хроники.

Окончив обучение в Шляхетском кадетском корпусе и будучи произведен в офицеры, дед мой Николай Петрович Семенов непрерывно пробыв в военной службе долее своих предков и совершал с 1768 до 1788 г. Екатерининские походы, преимущественно в суворовских войсках. По показаниям формулярного списка, он участвовал в 37 сражениях и, наконец, вышел в отставку в 1789 г. с чином секунд-майора⁵. Когда он возвратился, наконец, после 30-летней отлучки⁶ в свое старое дворянское гнездо Салыково и разделился со своим младшим братом Михаилом, ему было около 40 лет от роду. По дороге к Бехтеевым (на границах Задонского и Елецкого уездов), у которых находилась его родная сестра Прасковья Петровна, воспитанная Бехтеевыми и вышедшая замуж за помещика Милонова (отца известного поэта начала XIX в.), он остановился на время в том из двух доставшихся ему по разделу с братом имений, которое находилось в 10 верстах от моей родины, — села Урусова. Здесь он и познакомился с очень культурною для того времени семьей тогдашних владельцев села Урусова — Буниных⁷.

Село Урусово очень живописно расположено на возвышенном берегу текущей здесь в довольно глубокой долине реки Рановы. На возвышенности над нею в то время стояла старая деревянная церковь села и существующий и донныне каменный дом моего прадеда (отца моей бабушки) Петра Максимовича Бунина. Каменные дома в отдаленных от столицы помещичьих усадьбах были в екатерининское время большой редкостью. Старый тенистый сад, спускавшийся от дома к реке Ранове, был также в то время диковинкой, так как в нем была, кроме обычных фруктовых деревьев, тенистая, во время моего детства уже почти столетняя липовая аллея, и столетний сибирский кедр, дававший в изобилии орехи. Перед этим каменным домом около церкви ютилось старое кладбище предков, на котором хоронились члены рода Буниных, получивших здесь свои поместья со второй половины XVI в.⁸ Они были самые значительные из боярских детей и дворян, поселенных в Урусовском (то есть «русском» по-татарски) городке. Название «городка» сохранилось и донныне в одной из частей

Урусова. Русский городок был передовым пунктом для охраны более древних селений, расположенных ниже его по реке Ранове. В одном из этих селений, Березове, сохранялись еще на моей памяти богатые вклады, дарованные церкви этого селения татарской ханшєю и состоявшие из татарских монет и ценных золотых и серебряных вещей. По местному преданию, эта ханша была сама родом из села Березова. Замечательная по своей красоте, она была раньше женою диакона березовской церкви. Во время одного из татарских набегов Березово было разгромлено татарами, мужчины перебиты, а женщины, в том числе и жена убитого диакона, были взяты в плен. Необыкновенная ее красота обратила на себя внимание хана, который взял ее себе в жены. Это и была, по преданиям, знаменитая в русских летописях царица Тайдула, супруга хана Джанибека⁹, владевшая в XIV в. многими волостями нынешних Тульской и Рязанской губерний и исцеленная от глазной болезни святым Алексием, митрополитом Московским.

Возвращаясь к семейству Буниных. Отец моей бабки, Петр Максимович Бунин, дал очень хорошее по тому времени воспитание своим детям; старший сын его, Василий Петрович, родившийся в 1752 г., принадлежал к образованнейшим людям своего времени; он прекрасно знал иностранные языки и принадлежал к масонской ложе; младшие, Петр и Иван, служили во флоте¹⁰; последний, попав в плен к шведам в царствование императрицы Екатерины II, в очень молодых годах был определен королем Густавом III в Упсальский университет, где и окончил свое образование¹¹. Одна из дочерей, Анна Петровна, известная под именем «русской Сафо», была членом Российской академии, где и донныне сохранился ее портрет¹². Из среды родственной моей бабке Тульской (Белевской) отрасли Буниных произошел знаменитый поэт Жуковский.

В этом-то культурном семействе дед мой и избрал себе невесту в лице умной и энергичной Марии Петровны, моей бабушки.

Посетив Бехтеевых близ Задонска, дед мой, вероятно, только там узнал о трагической гибели своих родителей и, быть может, вследствие того решился навсегда расстаться с пребыванием в доставшемся ему по разделу с братом родовом гнезде Салыкове Пронского уезда и поселиться в имении своей жены.

Дедовская усадьба возникла на второй год его брака, в 1790 г. В приданое бабушке было выделено отцом ее из обширных земель принадлежавшего ему села Урусова 100 душ и свыше 1000 десятин земли. Выселены они были с левого берега Рановы на правый и размещены вдоль Рязанского проселочного тракта, называемого в просторечии Рязанкой, как и было названо имение бабушки¹³.

Дед мой выбрал для своей усадьбы высокое место, там, где заросший густым лесом, проточенный вешними водами овраг Точилка выходит в Рановскую долину; на левой стороне оврага был наскоро построен просторный деревянный дом, расчищена от леса вся левая сторона оврага и засажена фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, сливами, черносливом, владимирскими вишнями и ягодными кустарниками. Перед домом разбиты цветники, засаженные всеми бывшими в XVIII в. в ходу в русских барских садах цветами. Близко от усадьбы, в середине сада, была насажена длинная тенистая аллея из быстро разрастающихся сибирских акаций, в которой взрослые пили чай, варили варенье, а дети играли.

В этой-то усадьбе и расцвела счастливая семья, состоявшая из родителей и пяти сыновей¹⁴, из которых старший — мой отец — родился в 1791 г. Домашнее воспитание этих детей происходило сначала под руководством умной и по тогдашнему хорошо образованной матери, которая необыкновенно умело и быстро научала своих детей и даже внуков грамоте, а затем, по существующему обычаю, была взята гувернантка из иностранок. Выбор был как нельзя более удачен. Мадам Бруннер, родом из Эльзаса, была вдовою эльзасского дворянина, погибшего во время Французской революции; она бежала из Франции с малолетним сыном, которого ей удалось поместить в Петербурге в Морской кадетский корпус (он был впоследствии адмиралом)¹⁵. Мадам Бруннер, умная и очень образованная по тому времени женщина, одинаково хорошо знала французский и немецкий языки, историю и литературу Франции и Германии. Пробыла она в семействе моего деда около восьми лет и имела самое благотворное влияние на развитие своих воспитанников. Лет двенадцати мой отец уже был отвезен в Москву и помещен в Университетский пансион, где он с большим успехом окончил курс в 1807 г. и, переехав в Петербург, поступил вольноопределяющимся (подпрапорщиком) в лейб-гвардии Измайловский полк¹⁶.

Живой и даровитый юноша очень скоро обратил на себя внимание высшего петербургского общества своей любовью к литературе и сценическому искусству и в особенности умением превосходно читать стихи и литературные произведения. Через своего дядю, моряка Ивана Петровича Бунина, и тетку Анну Петровну, уже приобретающую в это время имя в литературном мире, он попал в тогдашний «Петербургский Парнас», а именно в дома Державина, Дмитриева, Шишкова и других. При выдающемся сценическом таланте он был неизбежным участником домашних спектаклей и вечеров, о чем вспоминает С. Т. Аксаков в своих записках¹⁷. В Измайловском полку он был всеобщим любимцем товарищей, которых привлекал к себе необыкновенным добродушием, веселостью, остроумием, юмором и удач-

ными пародиями вроде стихотворений «Капитан Мартынов» (пародия на оду «Бог») или «Митюха Валдайский» (пародия на трагедию «Дмитрий Донской»), которые его товарищи знали наизусть. Впоследствии он был основателем первого литературного кружка в Измайловском полку.

Наступил 1812 год. Измайловский полк был двинут вместе с другими гвардейскими полками навстречу армии Наполеона. Под Царево-Займищем решено было прекратить непопулярное отступление и дать наконец генеральное сражение французам. В ожидании этой битвы отец мой, утомленный значительными переходами, заснул на бивуаке богатырским сном и, проснувшись поутру, к своему горькому разочарованию узнал, что войска уже снимаются с бивуака и находятся в полном отступлении. Битва была отложена, и только на полях Бородина отцу удалось впервые удовлетворить свое пылкое желание встретиться лицом к лицу с неприятелем. Загорелся славный бой. В нем на долю Измайловского полка выпала тяжелая задача отстоять своей грудью ту возвышенность, которая была ключом всей позиции. Измайловский полк стойко и доблестно выполнил эту задачу: несколько раз французы приступом брали позицию, но были снова оттесняемы с нее двумя доблестными гвардейскими полками. На груди отца моего был бронзовый складень — благословение его родителей. В этот складень, сохранившийся в нашей семье, попала неприятельская пуля и погнула его, нанеся своим ударом только контузию отцу, который, пробыв на перевязочном пункте всего четверть часа, возвратился в ряды сражающихся; и так как многие из его товарищей были перебиты, то он в чине прапорщика командовал уже ротой в конце боя, в то время когда французы, отброшенные в последний раз с защищаемой возвышенности, отступили с наступлением ночи. Кивер отца был пробит несколькими пулями. Золотая шпага «За храбрость» была наградой молодого офицера за его геройский подвиг во время Бородинского боя. Брат его Александр, находившийся в Кексгольмском гренадерском полку и получивший рану еще под Смоленском, снова был сильно ранен и выбыл из строя¹⁸.

А что происходило в это время в дедовской усадьбе?

Семья была в полном составе, кроме двух старших сыновей; в состав этой семьи, кроме родных детей, входили еще две племянницы моей бабушки, круглые сироты: одна — родная дочь старшего брата моей бабушки и владельца каменного дома в селе Урусове Василия Петровича Бунина — Екатерина; другая — двоюродная ее сестра, Авдотья Алексеевна Бунина, единственная дочь умершего майора Алексея Васильевича Бунина, замечательно умная и добрая девушка, но горбатая с детства и слабая здоровьем; 16-летний брат моего отца Николай Николаевич (впоследствии Вятский губерна-

тор), после четырехлетнего пребывания в кадетском корпусе в Петербурге, был в 1810 г. уволен из корпуса вследствие очень плохого состояния здоровья и находился при своих родителях, так же как и два младших сына, из коих один, Михаил, вместе с Николаем по его выздоровлении впоследствии, после 1815 г., поступил подпрапорщиком в Измайловский полк¹⁹; а младший, Василий (впоследствии попечитель Кавказского учебного округа), был помещен в Императорский Царскосельский лицей в исходе 1813 г.

С каким восторгом читались в семье письма отца, как обрадовало родителей известие, что он вышел невредимым из Бородинского боя, какой возвышенный подъем духа происходил в дедовской усадьбе, с каким геройским мужеством моя бабушка встретила известие об опасной ране своего второго сына! О деде и говорить нечего: участник 37 сражений суворовской эпохи, он готов был принести в жертву всех своих сыновей на защиту дорогого Отечества. Как громом была поражена вся семья неожиданным страшным известием о том, что Москва была сдана Наполеону. Все местное дворянство было в тревоге; к деду беспрестанно приезжали соседние помещики за известиями из армии, приходившими в то время не особенно часто от моего отца.

Наступила осень, и разнеслось известие, что Наполеон, не имея возможности удержаться в Москве, двинулся на юг, и появления французов ожидали в нашей местности со дня на день. Между соседями-дворянами было только один, не отличавшийся особой храбростью. Принадлежа к богатой семье, он был с детских лет записан в военную службу и производился в чины с такой быстротой, что когда, будучи 18 лет от роду, он явился на службу в гвардейский полк, то вскоре после своего действительного поступления в ряды гвардии он был произведен в полковники. Это было в 1809 г. Войны тогда нигде не ожидали, к военной службе молодой Б. не чувствовал особого призвания и уехал в это время в бессрочный отпуск в свое имение, где и вступил в брак с молодой и богатой девушкой. Когда же в 1812 г. потребовали бессрочноотпускных в ряды армии, он подал рапорт о своей болезни, сопровождаемый докторским свидетельством, и на службу не явился. Для розыска и освидетельствования таких бессрочноотпускных был, однако же, командирован штаб-офицер из Петербурга. Весть о прибытии последнего дошла до нашей местности за несколько дней до этого прибытия. Из затруднительного положения вывел полковника Б. догадливый сельский священник, посоветовавший ему скрыться в подвалах обширного помещичьего дома, только что им выстроенного, а сам выдал жене полковника свидетельство о смерти ее мужа. Молодая женщина облеклась в глубокий траур и встретила приехавшего штаб-офицера в сильном душевном волнении и слезах со свидетель-

ством о кончине мужа. Штаб-офицеру, конечно, не пришло и в голову сомневаться в верности свидетельства, и полковник на всю свою жизнь, как выражались соседи-помещики, остался «мертвой душой»²⁰.

К чести местного дворянства, случай этот был единственным. Все дворяне собирались в 1812 г. встретить врага с оружием, которым вооружали своих дворовых людей; с жадностью читались выходившие в большом количестве в то время памфлеты на Наполеона вроде книжки, изданной не без участия Московского генерал-губернатора графа Ростопчина, под заглавием «Корсиканский леший», которую я сам имел случай читать в детстве. С какой радостью узнали из письма отца о сражении под Тарутиным и об отступлении французских войск, обратившемся вскоре в беспорядочное бегство, наконец, об их гибели при Березине и о дальнейшем движении нашей армии! Интересные письма отца приходили теперь часто, читались в кругу родных и соседей и оживляли всю семью. Это продолжалось и в 1813 г. до Кульмской битвы. Под Кульмом Измайловский полк покрыл себя снова бессмертной славой; с таким же мужеством, как и при Бородине, сражался мой отец и под Кульмом. Но на другой день после полного поражения Вандама он был послан командиром полка, генералом Храповицким, в опасную командировку. Известно, что, преследовавшие отступающие в Чехию после сражений при Бауцене (Будишине) и Люцене русские войска, французский корпус генерала Вандама прошел сквозь следовавшие за русской гвардией обозы; нагнав русские войска, он встретил геройское сопротивление русской гвардии под Кульмом и был разбит наголову, причем и сам Вандам был взят в плен. Французы в беспорядке отступили в Саксонию, но что случилось с русским обозом, было неизвестно, а между тем в этом обозе находилась жена генерала Храповицкого. Командировка отца с небольшим разъездом, посаженным на коней, имела целью отыскание этого обоза. Отец, пробравшись между отступавшим неприятелем, быстро дошел до гор, отделяющих Чехию от Саксонии, и здесь только узнал, что русский обоз, ушедший в сторону, находился в полной безопасности. На обратном пути отец беспрестанно встречался с беспорядочно отступавшими французами, от которых ему удалось отбить несколько пушек, но наконец наткнулся на очень крупный французский отряд, которым и был окружен со всех сторон. Геройски защищался маленький разъезд отца, но, выпустив все свои заряды и потеряв несколько человек убитыми, был наконец взят в плен, причем, во внимание к храбрости отца, ему была сохранена его шпага²¹. Пленных повели пешком через всю Германию в Южную Францию. Долго не получали родители никакого известия от отца, писали в полковой штаб и наконец получили роковой ответ: «Пропал без вести при преследо-

вании неприятеля после Кульмского сражения». Письма, которые отец пытался посылать из французского плена, не доходили до родителей²². После утомительного пешего хождения через всю Германию, Эльзас и Среднюю Францию отец с другими русскими пленниками, между которыми был и подружившийся с ним Василий Алексеевич Перовский (впоследствии Оренбургский генерал-губернатор и граф)²³, был водворен в Юго-Западной Франции, где русских пленных очень радушно принимали в своих замках легитимисты, полюбившие отца за его веселость и остроумие. Когда же после многих сражений русская армия придвинулась к Парижу и окружила его кольцом, мой отец и Перовский решили бежать из плена и присоединиться к своей армии. С разными приключениями они добрались до Орлеана, но здесь были узнаны, арестованы и переданы орлеанскому мэру. Однако мэр этот уже не сомневался в неблагоприятном для Наполеона исходе войны и потому до отдачи беглых пленников под военный суд, который неминуемо приговорил бы их к расстрелянию, дал им возможность совершить новый побег²⁴. Наконец пленники достигли союзных аванпостов и, заявив о своем освобождении из плена, были приняты в состав войск, подходивших к Парижу с юга, между тем как Измайловский полк действовал на северо-восточной стороне. Париж сдался, и русская армия с торжеством вошла во французскую столицу. На другой день для союзной армии был устроен *spectacle-gala*, на который и мой отец получил пригласительный билет. Большой любитель театра, он поспешил отправиться на спектакль, едва успев в этот день предварительно явиться в свой полковой штаб. Ожидая открытия спектакля, он рассматривал с любопытством окружающую его публику. Среди нее он скоро заметил знакомую ему фигуру, одетую на этот раз во фрак и белый галстук. То был его крепостной слуга — Степан Владимирович, заботливо снаряженный родителями отца для служения ему с начала похода 1812 г. Степан Владимирович, узнав отца, со слезами умиления бросился на колени перед своим воскресшим для него барином, к общему удивлению французов, наблюдавших эту трогательную сцену в фойе театра.

После выхода русских войск из Парижа отец мой получил продолжительный отпуск, которым воспользовался для того, чтобы посетить Англию и, удовлетворив свою любознательность, вернуться морским путем в Петербург²⁵. Продолжением его отпуска было и возвращение на родину для трогательного свидания с родителями, которые впервые узнали о том, что он жив, из письма, написанного им из Парижа. В 1815 г. отец возвратился в Петербург и прослужил еще в Измайловском полку непрерывно до 1820 г., когда вследствие тяжелой болезни взял отпуск и отправился на излечение на Кавказские Минеральные Воды, вполне восстановившие его здоровье. По-

сле того в 1821 г. отец в чине капитана вышел в отставку, женился и навсегда поселился в деревне. В последние годы своего пребывания в Петербурге отец мой был живым и деятельным членом образовавшихся тогда оживленных лучшими и высокими филантропическими намерениями (в числе которых на первом плане стояло и улучшение быта крестьян) тайных обществ, из которых впоследствии вышел кружок декабристов, и со многими из них был не только в приятельских, но и в дружеских отношениях, не предвидя, впрочем, какое направление получают эти кружки в 1824–1825 гг.

Возвращаясь к тому, что происходило в дедовской усадьбе в годы военной службы моего отца.

Когда подросла воспитываемая моей бабушкой племянница Авдотья Алексеевна Бунина²⁶, дед мой обратился к своей жене со следующими словами: «Про нас недобрые люди разносят слухи, что мы держим слабую здоровьем племянницу для того, чтобы воспользоваться ее богатством; вот почему я и думал, что нам необходимо пристроить Дуню замуж за человека, в нравственных качествах которого мы уверены. У нас есть такой сосед — добрый человек, с которым Дуня наверное будет счастлива». Соседом этим был Иван Федорович Лобков, небогатый помещик еще довольно молодых лет. Он понравился Дуне, и свадьба состоялась. Для богатой невесты приготовили около 1810 г. в одном из ее имений, Гремячке, в пяти верстах от Урусова, прекрасную усадьбу²⁷. Жених вместе с юным тогда моим дядей Николаем Николаевичем Семеновым, обучившимся в кадетском корпусе съемке и составлению планов, занялись разбивкою сада. Против выстроенного дома была посажена широкая липовая аллея, оканчивавшаяся обширной летней столовою, также из липовых деревьев, с переднею для приготовления и мытья посуды. Сад был разделен на правильные куртины, обсаженные кругом березами и разделенные между собою аллеями из акаций, вишневых деревьев, смородинных и крыжовниковых кустов. Молодая чета переехала в эту усадьбу и часто навещала взлелеявшую свою племянницу семью. Иван Федорович Лобков, пользуясь прекрасными средствами своей жены, любил задавать пиры на славу, устраивал пикники в находившемся в трех верстах от усадьбы лесу; в семейные праздники вдоль всей дороги к этому лесу зажигались смоляные бочки, высылались экипажи с поварами, и ужины готовились в лесу. Жену свою он окружал любовью и заботами, но недолго она пользовалась своим счастьем. Через несколько лет она умерла, завещав свои родовые тамбовские имения в пожизненное владение мужу, а в окончательное — семейству моего деда. Молодой вдовец, погоревав о любимой жене, продолжал свою роскошную и беззаботную жизнь по-прежнему и вскоре снова женился²⁸.

В 1819 г. он скончался, оставив по духовному завещанию Гремячку в потомственное владение своей второй жены, а тамбовские два имения — в пожизненное пользование жены и сестры. Однако уже в 1822 г. вдова Лобкова отказалась от последних двух имений, обремененных долгами ее покойного мужа, в пользу законных наследников А. А. Лобковой — сыновей Н. П. Семенова, которые, продав обширное имение Кореян²⁹, заключавшее в себе 660 душ и более 6000 десятин земли, удержали в своем роду другое имение — Ольшанку.

Другая родная племянница бабушки, Екатерина Васильевна, вышла замуж за соседнего помещика Ракитина и поселилась в его имении Давлетьеве³⁰, в трех верстах от дедовской усадьбы, так как родовое гнездо Буниных в селе Урусове с каменным домом уже вышло из владения Буниных по следующим причинам.

Зажиточный владелец большей части села Урусова, Василий Петрович Бунин (остальная часть села принадлежала его двоюродным братьям и помещику из старого дворянского рода Свиридовых), по зимам живавший в Москве и Петербурге, долго оставался холостяком. Судьба поставила его опекуном круглой сироты, дочери одного из его друзей или дальних родственников. Воспитывалась она в его доме, окруженная комфортом и заботами немолодого уже холостяка. Достигнув двенадцатилетнего возраста, она расцветала не по дням, а по часам и весьма естественно привязалась всей душою к своему воспитателю, который в свою очередь полюбил ее выше всего на свете. На тринадцатом году ее жизни между воспитанницею и опекуном произошло объяснение, на котором девочка наивно объявила, что она ни за кого не пойдет замуж, кроме своего воспитателя. Брак совершился, когда ей было всего только тринадцать лет, а ему — лет тридцать пять. Беззаботно и счастливо протекали сначала годы молодой, которая продолжала играть в куклы, а во время зимнего пребывания в Москве — танцевать на балах. Через три года она подарила своему мужу в родном очаге, селе Урусове, девочку, и немолодой супруг чувствовал себя вполне счастливым. Но уже в следующую зиму на супружеском горизонте появилось темное пятно в лице вкрадчивого селадона³¹ в изящном шелковом зеленом кафтане, с напудренной косою и треугольной шляпою под мышкой. То был рязанский дворянин М-в, который стал часто посещать гостеприимного Бунина в его доме при селе Урусове. В одно из таких посещений М-в встретился с одним из младших братьев Бунина, Петром Петровичем, который приехал с[о] своей молодою пятнадцатилетней женою, рожденной Вельяминовой, навестить брата. Молодые невестки сдружились очень скоро, и жена В. П. Бунина поведала своей невестке тайну своего сердца. Петр Пе-

трович Бунин, бывший моряк, энергичный и проницательный, замечая что-то неладное, выведал у своей жены тайну завязавшейся интриги, и тогда для него все стало ясно. Подстеречь селадона, вышедшего на ночное свидание под тенью векового кедра, было ему нетрудно. Согласно нравам того времени, рослый и здоровый П. П. Бунин бесцеремонно оттаскал вкрадчивого, но трусливого селадона за его напудренную косу и потребовал от него, чтобы на другое утро и след его простыл и чтобы нога его никогда не была в доме его брата. Дуэли не последовало. Трусливый М-в внезапно уехал, объяснив письменно В. П. Бунину, ничего не подозревавшему, неожиданность своего отъезда непредвиденными домашними обстоятельствами. М-в действительно уже не переступал более порога бунинского дома, но тайная переписка между любовниками продолжалась и завершилась тем, что молодая Бунина после продолжительной борьбы с разгоравшейся страстью, пользуясь кратковременным отсутствием мужа, уехала из своего урусовского дома уже навсегда. По возвращении в свою усадьбу В. П. Бунин нашел полное письменное признание своей жены и свою осиротевшую дочку. Дело было непоправимо. Василий Петрович не мог оставаться в своем родном гнезде, где все напоминало ему нежно любимую им преступницу; он отдал свою дочь в усадьбу моего деда на попечение своей сестры, со свойственной ей пылкостью и любовью разделявшей его горе, а сам уехал в отдаленную столицу, от времени до времени посещая только усадьбу моего деда. Но не прошло и трех лет, как он получил письмо от своей беглянки. Она писала ему, что лежит одинокая на смертном одре под тяжестью своего раскаяния и молит его только о слове прощения, без которого ей тяжело будет оставить земную жизнь. Добрый Бунин тотчас поспешил в то место, где находилась одинокая, всеми забытая умирающая. Трогательно было свидание супругов: полны любви и прощения были слова забывшегося оскорбление мужа, и с неземною радостью умерла на его руках едва достигшая своего совершеннолетия страдальца. Не захотел вернуться в свое родовое гнездо В. П. Бунин. И после двухлетних скитаний умер с тоски и горя³², завещав моему деду как опекуну своей дочери продать его урусовское имение, сохранив для дочери остальные с вырученным капиталом. Воля эта была свято исполнена, имение было продано, и в нем уже в конце XVIII в. водворилась купившая его семья князей Крапоткиных³³.

Дед мой, снискавший себе своей высокой честностью и справедливостью всеобщее уважение не только своих соседей, но и своих крестьян, для которых он был, по их собственному выражению, «родным отцом», считался умным, энергичным и выдающимся сельским хозяином. В то время от сельского хозяина не требовалось никаких теоретических познаний. Агро-

номической науки для русских хозяев XVIII в. еще не существовало; они должны были быть прежде всего хорошими администраторами, непосредственно руководящими работами своих крепостных на свою и их пользу, относящимися к ним с твердыми и строгими, но для всех одинаково справедливыми требованиями и вместе с тем заботливо ограждающими их от случайных или стихийных бедствий. Поэтому лучшими сельскими хозяевами из помещиков являлись люди военные, но такие, которые привыкли командовать отдельными строевыми и хозяйственными частями, например ротами и полками, а еще более флотские офицеры, которые соединяли с более разнообразной практикою кораблеводства еще и целый цикл научных познаний.

Дед мой при своем суворовском военном воспитании, продолжавшемся около 20 лет, командуя во второй половине своей службы ротой и даже батальоном и проходя со своими частями через самые разнообразные местности Турции, Польши, Кавказа и Персии, развил в себе все, что требовалось для сельского администратора, и, сверх того, вместе с лучшими дворянами-помещиками своего времени служил одним из самых справедливых хранителей того обычного права, которым издавна определялись отношения между крестьянами и помещиками жалованных им имений.

Большая работа предстояла деду на его новом поприще сельского хозяина. Прежде всего пришлось устраивать выделенных его жене и переселявшихся из Урусова за реку крестьян. В выделенном бабушке имении, состоявшем более чем из тысячи десятин, в лесе не было недостатка; зато полей еще было мало. Деревня, под именем Рязанки, была вновь выстроена из помещичьего леса. Огороды крестьян спускались к обширному болоту, отделявшему от реки возвышенность, на которой была построена деревня. С другой стороны дороги обширное пространство было занято собственной усадьбой деда. Вне усадьбы закипела работа по расчистке полей из-под лесных зарослей. Земли было вдоволь. Из полей и рощистей крестьяне были наделены, кроме усадебных земель и лугов, пахотной землею, по шесть десятин на тягло, то есть по две хозяйственных десятины в поле, а в тягла были зачислены все брачные пары селения, не достигшие 50- или 55-летнего возраста, так как со старых брачных пар тягло слагалось немного ранее или позже, смотря по состоянию их рабочих сил или по возможности заменить их молодой парой. При добрых отеческих заботах о благосостоянии крестьян численность их в течение тридцатилетнего управления моего деда значительно увеличилась, между тем как достаточно известно из народных ревизий этого времени, что вообще крепостное население почти не прирастало ни в XVIII, ни в XIX в. до эпохи освобождения крестьян. Прибылые

тягла, то есть избыток вновь возникающих брачных пар перед убывающими, наделялись землею вновь, в тех же размерах (по две хозяйственных десятины в поле), но так как господская запашка в хозяйстве деда, глубоко проникнутого смыслом закона о трехдневной барщине, всегда равнялась по количеству десятин крестьянской, то по мере увеличения надела земель увеличивалась и господская распашка из свободных земель. В другом собственном соседнем имении деда, Кобельше, свободных земель уже не доставало, а потому там помещичья запашка была менее крестьянской и крестьяне были обложены добавочными повинностями, деньгами или натурою, что и составляло смешанную повинность.

В Пронском же имении деда, Салыкове, на долю помещика при сравнительной многочисленности крестьян³⁴ оставалось так мало запашки, что дед отказался там совершенно от барщины и перевел все имение на умеренный денежный оброк.

Затем, после своего раздела с наследниками И. Ф. Лобкова, дед купил на доставшийся капитал у брата бабушки И. П. Бунина его имение Подосинки³⁵, выделенное последнему его отцом (моим прадедом) из обширного урусовского имения, и применил к этим поставленным в очень благоприятные условия выселкам из села Урусова ту же самую систему экстенсивного хозяйства, а именно расчисти лесных пространств, расселения крепостного населения по всему обширному пространству приобретенных им земель и обращению росчистей в равной доле в крестьянские и помещичьи пашни, чему много способствовал быстрый прирост населения в Семеновских выселках³⁶ при большой заботливости деда о благосостоянии своих крестьян.

Дед мой вставал летом с зарею и на своих беговых дрожках бывал уже в поле при выходе крестьян на работы. Управителей имениями он не держал. Ближайшими помощниками его были сельские старосты, но, кроме того, при нем обыкновенно состоял какой-нибудь смысленный юноша, которого он посылал со своими приказаниями. Это был тот тип объездчика или полевого приказчика, из которого впоследствии вырабатывались хорошие управляющие.

Чуждый всякому лицемерию и фаворитизму, дед мой строго преследовал неисполнение крестьянами наложенных на них законом обязанностей. Барщина под его личным неустанным наблюдением исполнялась безукоризненно. Но при ежедневном наряде на работы дед мой соблюдал строгую справедливость в распределении дней между барщиною и крестьянскими рабочими днями, неусыпно заботясь о том, чтобы в страдную пору крестьяне успевали вовремя справиться одинаково и с барщиною, и с уборкою своего хлеба, и вообще со своими полевыми работами. К неизбежным,

по тогдашним понятиям, телесным наказаниям дед мой прибегал редко, да и не имел к тому повода, так как крестьяне при постоянном его наблюдении за полевыми работами привыкли исполнять их исправно. Но в особенности ценили крестьяне отношение к ним моего деда во время случайных и стихийных бедствий. Падала ли у крестьянина единственная лошадь или корова, разваливалась ли у него изба или печь, весь ущерб пополнялся им непосредственно и немедленно. Всего же более проявлялась его заботливость в годы полных неурожаев, случавшихся неминуемо средним числом раз в семь лет. Дед хорошо знал всех домохозяев, у которых были хлебные запасы прошлых годов, хранившиеся на их гумнах, а для тех, у кого их не было, у деда были всегда достаточные запасы хлеба, и он не допускал, чтобы его крестьяне, как у других, ходили с женами и детьми целыми толпами нищенствовать по тем деревням и селам, где случайно урожай был достаточный. Все те крестьяне, которые не сохранили на своем гумне скирдов с хлебом от лучших урожаев, получали муку от деда, не допускавшего употребления того ужасного черного плотного землистого на вид хлеба, который приготовлялся из лебеды с примесью желудей, дубовой коры, мякины и даже чернозема и разных других суррогатов и который вообще был очень распространен в нашей местности в голодные годы.

Во внутреннюю жизнь своих крестьян дед мой мало вмешивался, не позволяя себе, как многие соседние помещики, принудительных браков, производимых ими по необузданному произволу, а иногда даже в виде насмешки, глумления или забавы.

Разверстка земель, выбор причитающихся домохозяевам на каждое тягло полос в каждом поле (при трехпольной системе) предоставлялись дедом миру, то есть сельскому сходу, так же, как распределение долей в покосах. Что же касается до мелких споров и в особенности ссор между крестьянами, по которым приносились помещику жалобы, то дед мой обращал их всегда к суду стариков, причем в важнейших случаях они решались в присутствии самого деда. Но, несмотря на то, что крестьяне в имениях деда никогда не нуждались в насущном хлебе и имели достаточное количество лошадей и скота, а часто даже и запасы собственного хлеба в скирдах, они жили тесно и грязно в своих курных избах, не имевших дымовых труб. Еще хуже были помещены не имевшие уже никакой собственности дворовые люди, хотя прокормление их (в виде «месячины») было всегда хорошо обеспечено. Состоявшие в личных услугах ночевали в довольно просторных передних и девичьих, но, конечно, все спали на полу и без всяких кроватей; люди же, не состоявшие в личной прислуге, а также семьи дворовых помещались зимою в общей людской избе, а летом — в своих клетях: это

ГЛАВА V

Научная и общественная моя деятельность и домашние дела (1849–1853 гг.). — Борьба русской и немецкой партии в Географическом обществе и произведенный этой борьбой переворот. — Направление молодой петербургской интеллигенции. — Политический кружок Петрашевского и наше с Данилевским к нему отношение. — Наш проект исследования черноземного пространства России. — Наше путешествие в черноземную Россию. — Арест Данилевского и заключение его в крепость. — Дальнейшее мое путешествие, возвращение в Петербург с сестрою и ее замужество. — Исполнение поручения Данилевского и лето, проведенное в деревне. — Получение степени магистра, новая поездка в деревню и мой брак. — Водворение в Петербурге и кончина моей жены.

Зима 1848/1849 гг. очень сильно повлияла на мое будущее.

Окончив курс наук в университете, я решился не следовать по обычному пути и не вступать в государственную службу немедленно по окончании курса. С одной стороны, вступив во владение собственным именем, я уже не нуждался в средствах к жизни, а с другой — близкое знакомство с характером служебной деятельности моего брата и его товарища по службе А. Н. Серова в Департаменте юстиции оттолкнули меня от сопряженной с совершенно бесплодною потерей времени канцелярской службы. Вследствие этого я решился отдаться всецело научным занятиям и, независимо от приготовления к получению степени магистра, искать какой-нибудь общественной деятельности, связанной с наукою. Пришлось при каждой встрече с новым знакомым отвечать на неизбежный вопрос о том, где я состою на службе, возбуждая не совсем благосклонное или подозрительное удивление вопрошающего тому, что я совсем не состою на государственной службе, а посвятил себя научной деятельности¹⁶⁰.

Желание мое относительно свободной общественной деятельности скоро осуществилось как нельзя более удачно. В 1848 г. в единственном близком мне в Петербурге семейном кругу Буниных произошла значительная перемена. Старшая Бунина вышла замуж за достойного человека, с которым я

близко познакомился, когда он посещал дом Буниных еще до своего брака: это был Александр Карлович Гирс (впоследствии товарищ министра финансов и сенатор), бывший в то время чиновником особых поручений при министре внутренних дел и живший вместе со своим лицейским товарищем Константином Карловичем Гротом (впоследствии статс-секретарем Е. И. В. и членом Государственного совета). Гирс был в то время (1849–1851 гг.) секретарем Императорского Русского географического общества, в котором председательствовал его родной дядя, граф Ф. П. Литке, а К. К. Грот был членом общества и стал позже (1852–1853 гг.) его казначеем. Эти лица и знавший меня Григорий Павлович Небольсин (впоследствии член совета Географического общества, товарищ министра финансов и член Государственного совета) предложили меня в члены Географического общества, и я с тем большим увлечением поступил в 1849 г. в его среду¹⁶¹, что география, в самом обширном ее смысле, была с детства любимой моей наукою.

Применение моим юным, но уже стремившимся к творческой деятельности силам нашлось немедленно: я принял на себя, разумеется, безвозмездно, должность библиотекаря Общества (1849–1851 гг.), до тех пор еще не существовавшую, несмотря на то, что библиотека общества была уже довольно обширна и росла не по дням, а по часам, порядка же в ней еще не было. Вскоре после того (в 1850 г.) я был избран секретарем Отделения физической географии и таким образом сделался сразу одним из деятельных членов Географического общества, каковым и остался в течение более шестидесяти лет.

Состав председателей отделений общества был в то время блестящим. В Отделении математической географии председательствовал знаменитый в России астроном XIX в. В. Я. Струве¹⁶², в Отделении общей географии, обратившемся с 1850 г. в Отделение физической географии, — лучший в то время в России геолог Г. П. Гельмерсен¹⁶³; в Отделении статистики — трудолюбивый и обладавший большою эрудицией академик П. И. Кеппен¹⁶⁴; в Отделении этнографии — величайший из русских натуралистов и антропологов XIX в. — К. М. Бэр¹⁶⁵.

Но на всех этих корифеев науки быстро развивавшееся юное Русское географическое общество, уже сильное притоком собственных свежих сил, смотрело как на сонм немецких учителей, державших его в слишком тесных и несколько чуждых его духу иноземных пеленках.

Составление окончательного устава Общества подало пищу к стремлению вырваться из этих пеленок. Особое значение члены юного Общества придавали избранию вице-председателя, который, по окончательному уставу, должен был быть, согласно указанию императора Николая I, действительным и ответственным председателем общества и его совета, между тем

как на председателе как Высочайшей особе (великом князе Константине Николаевиче) лежало только безответственное почетное председательство.

В среде общества при избрании первого по новому окончательному уставу вице-председателя общества образовалась сильная русская партия; она выступила против Ф. П. Литке¹⁶⁶, считая его главою немецкой партии, и выставила своим русским кандидатом в вице-председатели М. Н. Муравьева, личности которого, впрочем, далеко не вся сочувствовала, — единственно потому, что другого возможного кандидата не могла подыскать. Во главе русской партии уже стояло в то время немало высокоталантливых людей, как, например, три брата Милютиных (Дмитрий, Николай и Владимир), два брата Ханыховых (Яков и Николай), два брата Заблоцких-Десятовских (Андрей и Михаил), И. П. Арапетов, Н. И. Надеждин, В. В. Григорьев, К. А. Неволин, Изм. Ив. Срезневский, К. Д. Кавелин, А. Д. Озерский, В. С. Порошин¹⁶⁷ и многие другие.

Благодаря энергии и талантливости этих лиц русская партия восторжествовала. При выборах мне вместе с К. К. Гротом привелось считать поданные голоса: только на перебаллотировке М. Н. Муравьев получил перевес одним голосом.

Живо помню, как в годовом собрании общества, 16 февраля 1850 г., вслед за избранием М. Н. Муравьева поднялась со своего места величественная фигура почтенного вице-председателя, расстававшегося с Обществом, бесспорно им созданным.

В глубоко прочувствованных и полных достоинства словах, произнесенных мужественным, хотя и сильно взволнованным голосом, Ф. П. Литке выразил самые искренние пожелания Обществу и самое чистосердечное обещание быть ему полезным везде, где он только может принести ему пользу. По окончании заседания главный и победоносный деятель в борьбе обеих партий Н. А. Милютин сообщил мне, что достойная, краткая речь Ф. П. Литке произвела на него такое сильное впечатление, что он почти сожалел о своей победе, признавая, что общество поступило с большой несправедливостью по отношению к почтенному старцу, отдав преимущество перед ним М. Н. Муравьеву. Мнение же, какое имели о Муравьеве лица, его избравшие, достаточно характеризовалось следующим четырехстишием, появившимся на другой день после избрания Муравьева:

И нами избранный ярыга
Сегодня всех нас принимал
И говорил нам, будто книга
Ему милей, чем капитал.

Но даже и при таком мнении едва ли Н. А. Милютин мог предвидеть, что М. Н. Муравьев через десять лет после избрания, проложившего ему путь в Государственный совет и в высшие сановники государства, сделается злейшим врагом не только Н. А. Милютина, но и августейшего председателя общества.

Победа русской партии в общем собрании Общества не осталась без влияния и в отделениях, где были вслед за тем избраны люди с русскими именами: в Отделении физической географии — горный инженер А. Д. Озерский; статистики — друг двух старших Милютиных, талантливый сотрудник графа П. Д. Киселева по первоначальным предположениям об освобождении крестьян, А. П. Заблоцкий-Десятовский¹⁶⁸; в Отделении этнографии — замечательно талантливый Н. И. Надеждин¹⁶⁹; только Отделение математической географии удержало на своем председательском кресле знаменитого астронома В. Я. Струве.

Сам М. Н. Муравьев принялся за дело со свойственной ему энергиею и оказался неутомимым и полезным председателем общества. Он был чрезвычайно внимателен ко всем лучшим деятелям Географического общества, ездил сам их разыскивать и посещать, когда ему нужно было привлечь их к общественной деятельности, но делал жизнь невыносимую единственному члену общества, которого труд оплачивался, а именно секретарю его, вызывая его к себе во всякий час дня и ночи и заставляя его ждать по целым часам в своей приемной.

Деятельность отделений при Муравьеве также сильно оживилась. В нашем Отделении физической географии мы принялись за выработку грандиозного плана экспедиции для исследования Камчатки. Познакомившись с окончившим курс в Санкт-Петербургском университете графом Эмериком Гуттен-Чапским, богатым помещиком Минской губернии, А. Д. Озерский успел подвигнуть его на крупное пожертвование суммы в 27 000 рублей на нашу экспедицию. Бюро нашего отделения составило очень обстоятельную программу экспедиции. Граф Чапский сам хотел принять в ней участие, главным образом по тому соображению, что в то время по Высочайшему повелению лица, окончившие курс в университетах, не принимались на службу в столичные учреждения, а должны были три года служить в провинциальных (губернских правлениях, палатах, уездных судах и тому подобное), а граф Чапский предпочитал службу в экспедиции службе в провинции; но когда общество довело до Высочайшего сведения о великодушном пожертвовании графа Чапского, то он получил придворное звание и право служить в столичных учреждениях, что и предпочел поездке в Сибирь.

Начальником Камчатской экспедиции должен был быть сам А. Д. Озерский, но он отказался от этого, когда его ведомство не захотело дать ему те служебные преимущества, которые он себе выговаривал. Вслед за тем осуществление экспедиции встретило неодолимые препятствия, сначала в слишком большой ее обременительности для перевозочных средств местного населения, а потом в возникшей вслед за тем Восточной войне, выдвинувшей против Камчатки союзную эскадру.

Пришлось отказаться на неопределенное время от прекрасно задуманной камчатской экспедиции, и Совет общества решился обратиться к пожертвованию Чапского, с его на то согласия, на сибирскую экспедицию. Из моих частных сношений с подручником Н. Н. Муравьева (Амурского) и пионером амурской колонизации М. С. Корсаковым выяснилось, что наша восточносибирская экспедиция может быть с удобством направлена в бассейн Амура. М. Н. Муравьев охотно схватился за эту идею и для увеличения средств Общества поехал в Москву для переговоров с членом-соревнователем Общества Голубковым, который, услышав о пожертвовании в пользу Общества польского графа, заявил, что он жертвует еще более, а именно 30 000 рублей.

Одновременно с приготовлением общества к названной восточносибирской экспедиции Н. Я. Данилевский и я, будучи оба магистрантами университета, пожелали отдать свои силы непосредственно другому делу, которое нам казалось в высокой степени полезным не только в научном, но и в практическом отношении. Мы составили обстоятельный проект исследования черноземного пространства России с определением его границ, физическим и химическим анализом почв и исследованием растительности на всем черноземном пространстве. Экспедиция эта должна была продолжаться три года, но могла быть и еще продолжена¹⁷⁰.

Проект наш был представлен в Вольно-экономическое общество, которое проявляло в то время еще очень мало деятельности в чисто научном отношении, и очень заинтересовало это общество, избравшее нас в свои действительные члены и возложившее на нас осуществление наших предположений. К весне 1849 г. наше снаряжение было окончено, и мы отправились в путь, но уже при исполнении наших работ встретили неожиданные препятствия, которые вынудили нас их прекратить.

Для того, чтобы объяснить то, что произошло с нами во время нашего путешествия, необходимо вернуться к прошедшему.

Во время моей совместной жизни с Данилевским, после отъезда брата и дяди из Петербурга, круг нашего знакомства значительно расширился, главным образом потому, что Данилевский, не имея никакого состояния, должен был обеспечивать свое существование литературным трудом и пи-

сал обширные, очень дельные научные статьи в «Отечественных записках». Это ввело его в знакомство не только с Краевским (редактором их), но и со многими другими литературными деятелями и критиками — Белинским и Валерьяном Майковым. Они оценили необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию. Таким образом, кружок даже наших близких знакомых был во время посещения нами университета не исключительно студенческий, а состоял из молодой, уже закончившей высшее образование интеллигенции того времени. К нему принадлежали не только некоторые молодые ученые, но и начинавшие литературную деятельность молодые литераторы, как, например, лицейские товарищи Данилевского Салтыков (Щедрин) и Мей, Ф. М. Достоевский, Дм. В. Григорович, Ал. Ник. Плещеев, Аполлон и Валериан Майковы и другие. Посещали мы друг друга не особенно часто, но главным местом и временем нашего общения были определенные дни (пятницы), в которые мы собирались у одного из лицейских товарищей брата и Данилевского — Михаила Васильевича Бутаевича-Петрашевского. Там мы и перезнакомились с кружком петербургской интеллигентной молодежи того времени, в среде которой я более других знал из пострадавших в истории Петрашевского — Спешнева, двух Дебу, Дурова, Пальма, Кашкина¹⁷¹ и избегших их участи — Д. В. Григоровича, А. М. Жемчужникова, двух Майковых, Е. И. Ламанского¹⁷², Беклемишева, двух Мордвиновых, Владимира Милютинина, Панаева и других. Все эти лица охотно посещали гостеприимного Петрашевского, главным образом, потому, что он имел собственный дом и возможность устраивать подобные, очень интересные для нас вечера, хотя сам Петрашевский казался нам крайне эксцентричным, если не сказать сумасбродным. Как лицеист он числился на службе, занимая должность переводчика в Министерстве иностранных дел; единственная его обязанность состояла в том, что его посылали в качестве переводчика при процессах иностранцев, а еще более при составлении описей их выморочного имущества, особливо библиотек. Это последнее занятие было крайне на руку Петрашевскому: он выбирал из этих библиотек все запрещенные иностранные книги, заменяя их разрешенными, а из запрещенных формировал свою библиотеку, которую дополнял покупкою различных книг и предлагал к услугам всем своим знакомым, не исключая даже и членов купеческой и мещанской управ и Городской думы, в которой сам состоял гласным. Будучи крайним либералом и радикалом того времени, атеистом, республиканцем и социалистом, он представлял замечательный тип прирожденного агитатора: ему нравились именно пропаганда и агитаторская деятельность, которую он старался проявить во всех слоях общества.

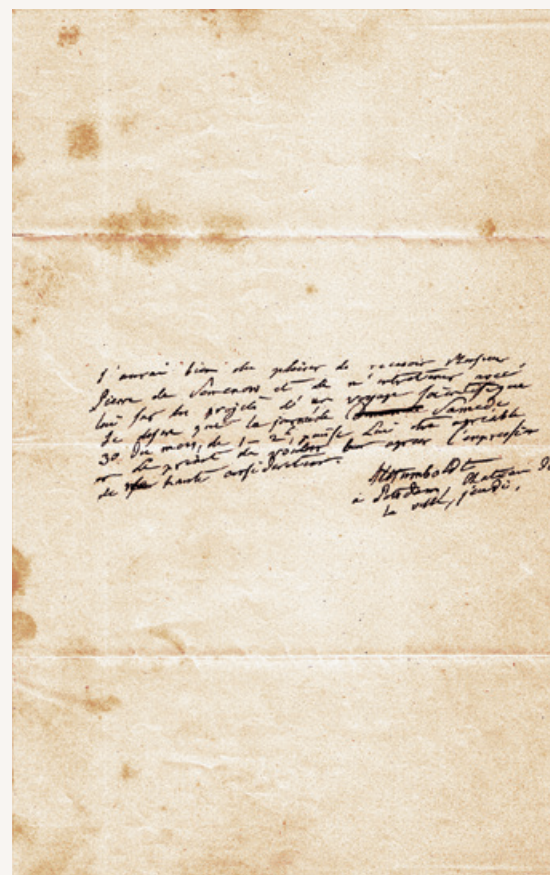
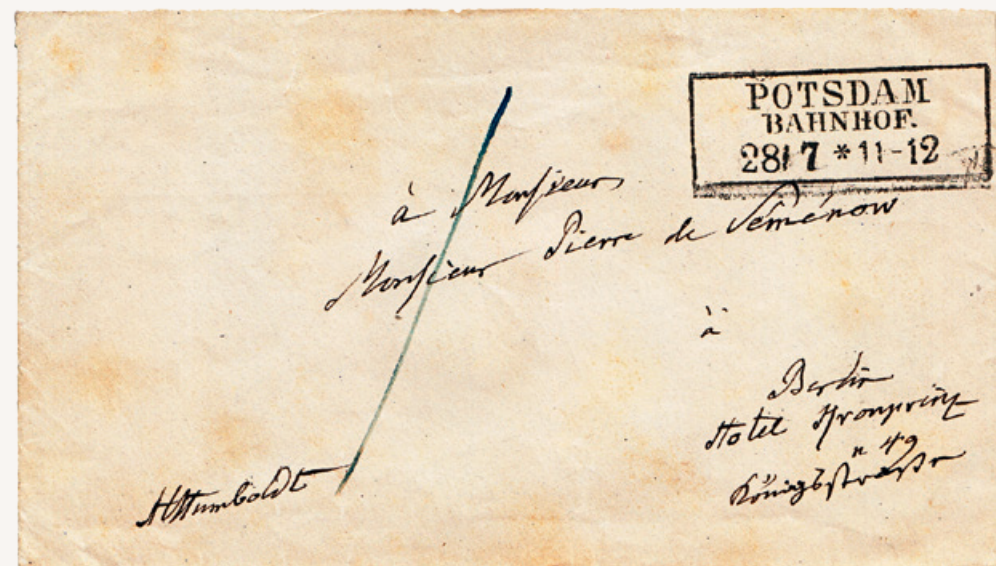

Петр Петрович Семенов. Берлин, 1854 г.

Портрет невесты.
Елизавета Андреевна
Семенова (Заблоцкая-
Десятковская). 1861 г.

Портрет жениха. Петр
Петрович Семенов. 1861 г.

Письмо и конверт письма
А. фон Гумбольдта
П. П. Семенову

Окрестности селца Урусово.
Фрагмент одноверстового
Генерального плана
Данковского уезда Рязанской
губернии. 1790 г.

- Штраух Александр Александрович* (1832–1893), зоолог, академик (с 1870) и непреходящий секретарь (1890–1893) Петербургской Академии наук, директор Зоологического музея (1879–1890) — 425
- Шувалов Петр Андреевич* (1827–1889), граф, генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1866–1874), посол в Лондоне (1874–1879), член Государственного совета (с 1866) — 180
- Щастный Василий Николаевич* (1802 — после 1854), поэт и переводчик; сотрудник «Северных цветов», «Литературной газеты» и других — 330
- Щеглов Николай Прокофьевич* (1793–1831), физик, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1826); профессор физики Петербургского университета (с 1822), непреходящий секретарь Вольного экономического общества (с 1828), цензор Петербургского цензурного комитета — 325
- Эвальд Федор Федорович* (1813–1879), преподаватель математики и физики Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и Пажеского корпуса — 171
- Энгельгардт Мориц Федорович фон* (1779–1842), минералог и геолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1816), профессор Дерптского университета — 508, 521
- Эренберг (Ehrenberg) Кристиан Готфрид* (1795–1876), немецкий естествоиспытатель, зоолог, геолог, ботаник; профессор Берлинского университета (с 1827) — 254
- Эрхардт*, профессор — 160
- Юдин*, служивый человек — 477
- Юрий Иванович Каркода*, князь Смоленский — 474
- Юрий Святославич*, князь Смоленский (1401–1405) — 474
- Юрий Яковлевич*, чашник — 475, 476
- Юрий*, стольник, затем окольный — 475, 476
- Языков Дмитрий Иванович* (1773–1845), историк и переводчик, почетный член (с 1830) и академик (с 1841) Петербургской Академии наук; директор Департамента Министерства народного просвещения (1825–1833), непреходящий секретарь Российской академии (1835–1841), президент Вольного общества любителей словесности (1811–1826) — 336, 339
- Языков Никита*, воевода — 479
- Языков Николай Михайлович* (1803–1846), поэт — 330
- Яков Абрамович*, см. Я. Абрамов
- Яковлев Александр Иванович* (1863–1909), племянник жены Н. П. Семенова, энтомолог, друг детства и одноклассник А. П. Семенова-Тян-Шанского, земский деятель Ярославской губернии, выборный член Государственного совета (1909) — 441
- Яковлев Михаил Лукьянович* (1798–1868), поэт, композитор-любитель, певец; лицеист первого выпуска, сенатор (с 1863) — 290
- Янышев Иван Леонтьевич* (1826–1910), священник; ректор Петербургской духовной семинарии (1866–1883), духовник Царской семьи (1883–1910), протопресвитер Придворного духовенства (1883–1906) — 248, 249, 261

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к новому изданию мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского —	
<i>М. А. Семенов-Тян-Шанский</i>	7
Родина П. П. Семенова-Тян-Шанского: взгляд через века — <i>А. А. Богданов</i>	20
Предисловие к 1-му изданию	43

Глава I

Дедовская усадьба (место моего рождения). — Мои предки с отцовской стороны. — Хроника семейства моего отца со стороны моего деда и бабушки; семья моего деда. — Тридцатилетнее управление им его поместьями (1790–1821 гг.). — Тогдашние отношения между помещиками и их крепостными. — Обычное право	45
---	----

Глава II

Первые встречи моих родителей. — Предки моей матери. — Хроника ее семейства и ее воспитание. — Брак моих родителей, переселение отца в родовое поместье и его хозяйство (1821–1832 гг.). — Мои детские годы в отцовской усадьбе. — Хроника отцовской усадьбы и родственных и соседних усадеб. — Кончина моего отца. — Хозяйство матери. — Первое мое путешествие. — Усадьбы тамбовских родных и первые виденные мною города. — Развитие болезни моей матери и полный переворот в нашей семейной жизни (1832–1834 гг.)	72
---	----

Глава III

Мои отроческие годы (1834–1841 гг.). — Пребывание в Москве. — Поездка в Петербург и поступление брата в Царскоелицейский лицей. — Зима в Петербурге и поступление сестры в Екатерининский институт. — Четырехлетнее мое одиночество в деревенской глуши, обусловившее все дальнейшее мое развитие	130
---	-----

Глава IV

Мое среднее и высшее образование. — Привилегированное закрытое военно-учебное заведение (школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров). — Санкт-Петербургский университет (1845–1848 гг.). — Летние пребывания в деревне. — Семейные и имущественные условия моей жизни. — Жизнь наших крепостных крестьян того времени	165
---	-----

Глава V

Научная и общественная моя деятельность и домашние дела (1849–1853 гг.). — Борьба русской и немецкой партии в Географическом обществе и произведенный этой борьбой переворот. — Направление молодой петербургской интеллигенции. — Политический кружок Петрашевского и наше с Данилевским к нему отношение. — Наш проект исследования черноземного пространства России. — Наше путешествие в черноземную Россию. — Арест Данилевского и заключение его в крепость. — Дальнейшее мое путешествие, возвращение в Петербург с сестрою и ее замужество. — Исполнение поручения Данилевского и лето, проведенное в деревне. — Получение степени магистра, новая поездка в деревню и мой брак. — Водворение в Петербурге и кончина моей жены	200
--	-----

Глава VI

Мое пребывание за границу (1853–1855 гг.). — Переезд в Любек и мои планы на будущее. — Посещение городов Любека, Гамбурга, Ганновера и Гарцбурга. — Экскурсии в Гарц и первое знакомство с местными крестьянами. — Посещение Кельна и поездка по Рейну с остановками в Бонне, Майнце и Висбадене. Впечатления поездки. — Прогноз Севастопольской кампании как результат моих впечатлений. — Поездка во Францию через Страсбург. Остановка и экскурсии в	
---	--

Вогезах. — Пребывание в Париже. — Возвращение в Берлин и занятия с профессорами Берлинского университета и немецкими учеными. — Мое личное знакомство с Риттером и Гумбольдтом. — Новая экскурсия в Гарц с профессором Бейрихом. — Экскурсия в Швейцарию. — Возвращение в Берлин и пребывание там совместно с В. А. Милютиным. — Наша поездка в Гейдельберг. — Окончание мною зимнего семестра в Берлинском университете, экскурсия в Швейцарию и пребывание на Женевском озере. — Поездка в Италию. — Впечатление, произведенное известием о кончине императора Николая I. — Извержение Везувия и мои наблюдения над этим явлением. — Возвращение через Вену в Россию 241

Приложение 1. Петр Николаевич Семенов (1791–1832) — поэт-пародист и драматург, друг народа — *К. Я. Грот* 284

Приложение 2. Василий Николаевич Семенов — литератор и цензор. К литературной истории 1830-х гг. — *К. Я. Грот* 317

Приложение 3. Письма Петра Петровича Семенова 349
 I. Письма сестре Наталье Петровне Семеновой (в замужестве Грот) 350
 II. Переписка с Фанни и Елизаветой Заблоцкими-Десятовскими 395
 III. Письма 1882–1912 гг. 404

Примечания 474

Именной указатель 525

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вклейка 1

илл. 1, 5, 6, 8, 9, 11 (внизу), 13–16: Из коллекции Фонда наследия П. П. Семенова-Тян-Шанского;
 илл. 2–3: Научный архив РГО;
 илл. 4: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 5. СПб., 1800.
 илл. 7: РГАЛИ;
 илл. 10 (вверху): Литературный музей ИРАИ РАН (Пушкинский дом, С.-Петербург);
 илл. 10 (внизу): Мемориальный музей П. П. Семенова-Тян-Шанского. Д. Гремячка Рязанская области;
 илл. 11 (вверху): Из собрания А. А. Богданова;
 илл. 12: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

Вклейка 2

илл. 1, 2, 13 (внизу): Из коллекции Фонда наследия П. П. Семенова-Тян-Шанского;
 илл. 3: Литературный музей ИРАИ РАН (Пушкинский дом, С.-Петербург);
 илл. 4–7: РГАДА;
 илл. 8: Семенов Н. П. Деревья и кустарники, растущие на открытом воздухе в южной части Рязанской губернии. СПб., 1881;
 илл. 9–12, 16: Научный архив РГО;
 илл. 13 (вверху): Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник;
 илл. 14, 15: Из собрания А. А. Богданова.

Русское географическое общество и издательство «Кучково поле» выражают благодарность всем принимавшим участие в подготовке данного издания, в том числе:

- Акционерному обществу «Марка» и лично Е. Н. Диденко;
- Институту русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук;
- Липецкому областному краеведческому музею;
- Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и лично А. В. Головнёву, Е. А. Резвану, Ю. А. Купиной;
- Музею П. П. Семенова-Тян-Шанского (деревня Гремячка, Рязанская область);
- Музею-усадьбе П. П. Семенова-Тян-Шанского (деревня Рязанка, Липецкая область) и лично А. А. Богданову;
- Российскому государственному архиву древних актов (РГАДА);
- Санкт-Петербургскому филиалу Архива Российской академии наук;
- Фонду наследия П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Русское географическое общество и издательство «Кучково поле» отдельно благодарят Наталию Владимировну Семенову-Тян-Шанскую, предоставившую для данного издания материалы, хранящиеся в мемориальной комнате П. П. Семенова-Тян-Шанского и ее домашнем архиве, и Михаила Арсеньевича Семенова-Тян-Шанского за предоставленные материалы и консультации.

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович

МЕМУАРЫ

Том 1

Детство и юность

1827–1855

Редактор *К. А. Залесский*

Корректоры *Е. Е. Олесевич, И. В. Лебедева*

Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*

В подготовке издания принимали участие
А. И. Глухов, И. А. Гуров, М. Ф. Матвеева, Р. М. Сиразова, О. В. Царева

Русское географическое общество

Штаб-квартира в Москве:

Новая пл., д. 10, стр. 2, 109012, Москва, Россия

Штаб-квартира в Санкт-Петербурге:

пер. Гривцова, д. 10, литера А, 190000, Санкт-Петербург, Россия

Единый федеральный телефон/факс: 8(800) 800-18-45

Международный телефон/факс: 8(495) 225-27-60

E-mail: rgo@rgo.ru

www.rgo.ru

ООО «Издательство «Кучково поле»

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 2-11

Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 15.04.2019.

Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 45,5.

Тираж 1500 экз.

ISBN 978-5-9950-0888-0 (т. 1)

ISBN 978-5-9950-0890-3 (общий)